

Глава 15

Слух Лю Цишуана не подвёл. Он всё расслышал верно: Вань Дунъян действительно попросил всего десять монет.

Более того, он добавил, что впредь, если Лю Цишуан будет продавать товар, то с каждой ста заработанных вэней он будет брать десять в качестве платы за свои хлопоты. А если выручка будет меньше ста монет, то он и вовсе ничего не возьмёт.

На обратном пути в повозке снова было полно народу, и она, как и прежде, наполнилась гомоном голосов. Но ни одно слово не долетало до ушей Лю Цишуана.

Он смотрел только на человека, правившего повозкой, на его волосы, что развевались на лёгком ветерке.

Он подумал, что Вань Дунъян, как и его матушка, тоже хороший человек.

От города до деревни было всего четыре-пять ли. Повозка Вань Дунъяна мигом домчалась до околицы, а затем и до развилки, где одна из дорог вела к дому семьи Лю.

Лю Цишуан бросил взгляд в сторону своего дома, но так и не попросил Вань Дунъяна остановиться, позволив повозке везти его дальше, вглубь деревни.

Он боялся, что если родители дома, то они больше не отпустят его к семье Вань.

Время было ещё раннее, даже час Шэнь не наступил. Он хотел сходить в горы, посмотреть, не найдёт ли он там ильмовых денег, которые сегодня продавала та девушка. А если и не найдёт, не беда — можно накопать хауттуйнии или нарвать цветов сурепника.

Всё это можно было продать.

У него оставалось ещё два дня, значит, он сможет съездить в город ещё дважды. Если к сегодняшней выручке добавить то, что он заработает, то, может, и наберётся три цянтя серебра. Этого должно было хватить, чтобы сводить дедушку к лекарю.

Дорога от города до деревни была широкой, как казённый тракт. У въезда в деревню она немного сужалась, но всё равно оставалась просторной. Те, у кого были повозки, прокладывали широкую дорогу до самых ворот своего дома. У тех же, у кого повозок не было, к дому вела лишь узкая тропинка.

Вань Дунъян не отличался особой обходительностью. Кто бы ни ехал в его повозке, он останавливался только на большой дороге и никогда не подвозил до самого дома.

— Выходи уже, или в гости ко мне напросилась? — нетерпеливо бросил он второй невестке семьи Цзян, сверкнув на неё глазами. Он уже решил, что в следующий раз ни за что не повезёт эту женщину, чей зад, казалось, весил тысячу цзиней — сядет и не сдвинешь.

Ужасно раздражала.

В деревне была только одна семья Цзян — семья деревенского лекаря. Три его сына уже были женаты, но все по-прежнему жили под одной крышей.

Когда младший сын женился, лекарь Цзян хотел было разделить семью, как это было принято в деревне. Но все три сына наперебой вызвались заботиться об отце и наотрез отказались съезжать. Так раздел и не состоялся.

И по сей день вся большая семья теснилась в одном дворе.

Вторая невестка, Ли Хунхуа, едва переступив порог, громко закричала: «Старшая невестка!». Найдя её за домом, у оврага, она с видом заговорщицы принялась делиться новостями.

— Старшая невестка, представляешь, тот гээр из семьи Сюй приехал на повозке Вань Дунъяна! И даже у своего дома не вышел, поехал, видать, напрямик к Ваням. Что это такое творится? — Ли Хунхуа хихикала, но Ню Мэйюй, услышав её слова, тут же помрачнела. Она бросила мотыгу и поспешила во двор, к лекарю Цзяну.

Ли Хунхуа пару дней не было дома, так что она ничего не знала. А вот Ню Мэйюй знала и потому встревожилась.

Деревенские жители были в большинстве своём неграмотными и в лекарственных травах ничего не смыслили. Даже если бы перед ними лежало спасительное растение, они бы его не узнали.

Но одно дело — простые крестьяне, и совсем другое — семья Вань. Самый крупный землевладелец в их деревне носил фамилию Вань. И хотя семья Вань Дунъяна не была такой богатой, все братья в детстве ходили в школу и умели читать.

А если человек грамотный, кто знает, какими ещё тайными знаниями он может обладать? Ведь в книжных лавках продаются самые разные книги, в том числе и по медицине.

Вчера Лю Цишуан обещал принести цветы мушмулы, но так и не появился. Ню Мэйюй сначала разозлилась, а потом забеспокоилась, узнав, что гээр связался с семьёй Вань. А теперь, услышав слова невестки, она забеспокоилась ещё больше и поспешила к свёкру.

— Отец, я помню, старший из семьи Вань когда-то торговал лекарственными травами, и сам в горы за ними ходил. На этом он и разбогател, купил землю, построил дом, — сказала Ню

Мэйюй, подойдя к лекарю Цзяну и поделившись своими опасениями. Ли Хунхуа тут же перестала улыбаться.

Дедушка Цзян в это время сушил травы. Занятый своим делом, он покачал головой. Он считал, что невестка напрасно беспокоится.

— Не может такого быть. Юнъань не такой человек. Он знает, что это наше ремесло, наш хлеб, и не станет никому рассказывать, — иначе кто бы стал ходить к нему за лекарствами, если бы мог сам собирать травы? Семья Вань — люди порядочные, они никогда не стали бы отбирать у других кусок хлеба.

Хотя...

— Старшая невестка, да что там те листья мушмулы? Отдай ты их мальчишке. В прошлом году он принёс тебе пинеллию, ты же её в аптеке «Спокойствие» продала почти за четыреста вэней. Да и семена дурнишника тоже немало принесли. Этого с лихвой хватит, чтобы обменять на листья мушмулы.

Дедушка Цзян и дедушка Лю хоть и не были близкими друзьями, но были ровесниками, выросли в одной деревне, и между ними сохранялись тёплые чувства. Он считал, что если можно помочь, то нужно помочь.

Сегодня мужчины семьи Цзян укрепляли межи на полях, третья невестка сажала на них бобы. Ли Хунхуа позавчера уезжала к родне, иначе тоже была бы в поле.

Хоть дома было и немногочисленно, но все, кто принимал решения, были на месте, так что не было нужды ждать вечера или что-то утаивать.

Свёкор развеял её опасения, и Ню Мэйюй немного успокоилась. Она прямо сказала:

— Отец, ты неправ. Дело не в этом.

Бабушки Цзян уже несколько лет как не было в живых. Ню Мэйюй, как старшая невестка с властным характером, стала хозяйкой в доме, и младшие невестки всегда её слушались.

Не успела Ню Мэйюй объяснить причину, как Ли Хунхуа уже закивала в знак согласия. Дедушка Цзян вздохнул и замолчал, но Ню Мэйюй не собиралась останавливаться и выложила всё начистоту.

— В семье Сюй всем заправляет отец гэра. А как тот, что по фамилии Сюй, относится к старику Лю, вы и сами знаете. Так что считать нужно по-другому.

— Даже если гээр и принёс дорогую пинеллию, то продав её в аптеке, он бы ни монеты не потратил на старика Лю. А так он отдал её нам, и наше лекарство хотя бы попадёт старику в рот. Мы не обманываем его, а наоборот, рискуя навлечь на себя гнев его отца, делаем доброе дело.

— Все знают, что его отец — злой человек. Только мы и согласились ему помочь, — поспешно поддакнула Ли Хунхуа. В доме главной была старшая невестка, и она должна была её поддерживать.

Ню Мэйюй удовлетворённо кивнула Ли Хунхуа и продолжила:

— А раз мы ему помогаем, то это он нам должен. Прошлогоднюю пинеллию он уже обменял на два мешочка с лекарствами. Если хочет ещё, пусть приносит что-то новое. Товар в обмен на товар, всё по-честному.

— С какой стати он решил, что принеся один раз травы, может теперь требовать от нас всё, что ему вздумается? Если в деревне увидят, что он только берёт у нас лекарства, но ничего не приносит взамен, что они подумают? Что нам, лавку свою в богадельню превратить?

Дедушка Цзян на слова Ню Мэйюй ничего не ответил. Он лишь молча подумал, что во всём нужно знать меру. Если слишком давить на мальчишку, он найдёт другой выход. И, похоже, уже нашёл.

Дедушка Цзян замолчал, но Ню Мэйюй, хоть и успокаивала себя, что ничего страшного, что какой-то гээр ничего ей не сделает, всё равно чувствовала себя неуютно. Она нахмурилась и выругалась:

— Я же говорила, что этот гээр — бесстыдник. Мы ему не родня, а он приходит и требует лекарства. С такой-то наглостью он и к мужчинам липнуть не постыдится.

— Несколько дней назад он со своей матерью крутился вокруг семьи Вань Чанфу, а теперь, видать, на Вань Дунъяна глаз положил. Вчера он с Вань Дунъяном и его племянницей в горы ходил, сегодня — в город поехал. Чего он добивается? Прилипнуть к семье Вань, как банный лист?

— Старшая невестка, да чтобы прилипнуть, как банный лист, нужно, чтобы семья Вань ему это позволила. А они на него и не посмотрят, — слова Ню Мэйюй ничуть не обеспокоили Ли Хунхуа. Её сейчас волновали только листья мушмулы.

А что, если тот гээр расскажет семье Вань о болезни старика Лю, а те, назло, всё ему выложат? Вот тогда будут проблемы.

...

Повозка Вань Дунъяна поравнялась с домом семьи Сун, и Лю Цишуан, набравшись смелости, попросил его остановиться.

— Подожди меня немного, я сейчас вернусь! — он спрыгнул с повозки и побежал к дому. Вещица, что лежала у него в рукаве, пробыла там уже целый день, и если не отдать её сейчас, она испортится.

— Сайюэ, ты дома? — двор семьи Сун был обнесён высокой глинобитной стеной.

Лю Цишуан не пошёл к воротам, а стал звать подругу прямо у стены. Едва он крикнул, как из двора донёлся звонкий ответ, и вскоре ворота отворились.

— Шуан-шуан, ты чего пришёл? — на пороге стояла удивлённая девушка с двумя длинными косами.

Девушка была белокожей, и хотя черты её лица не были выдающимися, светлая кожа делала её довольно миловидной. Это была единственная подруга Лю Цишуана в деревне — Сун Сайюэ.

Лю Цишуан боялся, что Вань Дунъян не станет его ждать и уедет, поэтому, не тратя времени на разговоры, он вытащил из рукава то, что прятал целый день, сунул ей в руки и бросился бежать.

Сун Сайюэ с недоумением развернула потрёпанный, но чистый платок. Внутри лежали две конфеты и горстка раскрошившегося печенья.

Она нахмурилась, убрала конфеты и посмотрела на крошки. Она подумала, что в следующий раз тоже раскрошит лепёшку, которую прячет для него. Но эта мысль тут же исчезла.

Попробовав на язык крошки печенья, Сун Сайюэ широко распахнула свои небольшие глаза. Лицо её озарилось восторгом.

— Вкусно!

Очень вкусно. Такого вкусного печенья она ещё никогда не ела. В следующий раз она не станет крошить лепёшку, а сохранит её целой для Шуан-шуана.

<http://bllate.org/book/13415/1194074>